

культуры»¹⁵⁸. Как показали результаты опроса – цели и интересы студентов имеют практическую, индивидуалистическую направленность. Взаимодействие и взаимовлияние философии и медицины всегда было заметным, поскольку они имеют общий предмет изучения – человека. Изучение философии в медицинском вузе помогает связать общечеловеческие ценности с профессиональными, дает возможность студенту в первые годы обучения в вузе выбрать или скорректировать жизненные цели.

ИНИЦИАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ ПЛАТОНА

П. Л. Зайцев

Называя антропологию «философией XX века», сторонники антропологического тренда в гуманитаристике не только выводят на новый виток старые споры о пользе или вреде философии для жизни. Сама постановка вопроса о необходимости новой формы для рефлексии процессов стремительно глобализирующегося мира связана как с недоверием к существующим формам, так и с поиском метатеории способной объяснить все. На статус метатеории, объясняющей мир и при этом позволяющей решать насущные социальные задачи в XX веке, последовательно претендовали кибернетика и синергетика. Обе эти оптики на каком-то этапе противопоставляя себя философии или даже объявляясь «новой философией» стали частью ее истории, ждет ли подобная судьба антропологию?

Если кибернетика и синергетика продолжили философский дискурс, хрестоматийными здесь являются обращения Н. Винера к монадологии Г. Лейбница, а Г. Хакена к политической философии Д. Юма, то антропологические исследования формируют для «философии XX века» собственную рамку идентичности. Д. О. Торшилов высказывает мнение, что популярность антропологии напрямую связана с тем, что она ищет, а значит и находит в человеке эту его варварскую природу. Антропологические проекты, показывая конструируемость человека деконструируют человека «цивилизованного», воспринимаемого продуктом европейской истории. Первенство здесь принадлежит постколониальным штудиям, начавшимся с работ Эдварда Саида, представляющего Восток подавляемым «иным» сначала для Франции, Англии и США, а потом уже для всего остального «цивилизованного» мира.

Действенным инструментом деконструкции человека «цивилизованного», «исторического» выступает архаика, понимаемая

¹⁵⁸ Веретельникова Ю. Я. Психолого-педагогическое обеспечение развития гуманитарных ценностей профессиональной культуры студентов медицинского вуза // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. № 1. С. 171.

в значении неотъемлемого атрибута любой истории, устойчивой антропной универсалии в изменчивом потоке истории. Цивилизованность низвергнутая мультикультурализмом до переменной нуждается в устойчивом основании – этим основанием становится архаика, ее наполнение для одних антропологов по-юнгиански архитипично и психологично, для других архаика является в повторяющихся социальных практиках, необъяснимых из настоящего. Такими практиками являются символический обмен, жертвование, потлач как основание экономического поведения и инициация как основание социальности.

Инициацию исследовали многие зарубежные и отечественные классики религиоведения. Однако, проблема инициации ставшая видимой широкому гуманитарному дискурсу благодаря процессам архаизации, вряд ли может считаться решенной. За комментариями обратимся к отечественному дискурсу инициации. В работе 1966 года Ю. И. Семенов посвящает теме инициации отдельный параграф «Возрастные инициации, их прохождение и сущность». Почему он не затрагивает ее в своих позднейших книгах, для нас остается загадкой. Семенов начинает изложение своей позиции в достаточно традиционном ключе: Возрастные инициации представляют собой систему обрядов, знаменующих переход юноши из ранга подростка в ранг взрослого мужчины (...) Не прошедшие их рассматривались как мальчики независимо от возраста. Общей особенностью мужских инициаций у всех племен и народов являлось наличие мучительных испытаний, которым подвергались посвящаемые юноши. Посвящаемых подвергали мучительным испытаниям для того, чтобы довести до сведения юношей и добиться от них беспрекословного соблюдения в течении всей их жизни норм, регламентирующих отношения между полами, половых запретов. С возникновением у юношей стремления включиться в половую жизнь коллектива настоятельной потребностью для последнего являлось ввести действие пробуждающегося полового инстинкта в определенные рамки, довести до юношей существующие правила половой морали и заставить их соблюдать эти правила»¹⁵⁹.

Выходит, что согласно Ю. И. Семенову инициация есть некая пропедевтика к взрослой жизни, а если во время обряда кого побьют или покалечат, «то чтоб лучше запомнили»: «Избивая юношей, взрослые мужчины, совершавшие эту операцию, одновременно в той или иной форме доводили до сведения истязаемых существующие в стаде табу. Ставшие традиционными избиения юношей по достижении последними зрелости приобрели огромное значение как средство предотвращения нарушения табу и начали рассматриваться как необходимое условие, предваряющее

¹⁵⁹ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. С. 303–304.

приобщение молодежи к половой жизни»¹⁶⁰. Допускать избиение «по определенному поводу», как это делает Семенов, означает рационализировать историческое прошлое человечества. Это еще выглядит более или менее уместно в работах по традиционной культуре, особенно психолого-педагогической направленности¹⁶¹, но никак не по начальным стадиям антропогенеза. То, о чем пишет Семенов репрезентативно исключительно современным и к тому же обыденным представлениям о предмете: «если половое табу нарушено, то поправить уже ничего нельзя, а значит бить нужно заранее». Инициация как средство воспитания менее всего адекватна воспитанию как цели. Как видим, объяснение Ю. И. Семенова не продуктивно. Основываясь на нем невозможно объяснить и тот факт, почему «приучать» к половым табу требовалось именно юношей, ведь нарушается оно, как правило, обоюдно!

Взятая нами в качестве примера, исследовательская позиция Ю. И. Семенова вскрывает причины антропологизации гуманитарного знания и пристального внимания к архаике. Объяснить инициацию, опираясь только на этнографический материал невозможно. Понятие инициации определенно шире, чем мысленные в нем возрастные, профессиональные и иные возможные обряды перехода.

Если в инициации проявляет себя некоторый универсальный механизм в котором антропологическая парадигма усматривает устойчивое, вневременное содержание, собственно коррелят архаики, то и обращаться к инициации первыми должны были не культурные антропологи. Понять инициацию должны были пытаться уже древние мыслители.

Обратившись к наследию Аристотеля мы заметим, что в одиннадцатой главе второй книги «Риторики» (перевод Н. Платоновой) давая определение соревнованию и выясняя, кто доступен соревнованию и что возбуждает соревнование, употребляет очень интересную дефиницию: «Соревнование есть некоторая печаль (penthos)». Популярный английский перевод последнего фрагмента еще более однозначен «Emulation is pain» (Соревнование есть боль)¹⁶². Инициационное происхождение соревнования, которое благодаря

¹⁶⁰ Там же. С. 305.

¹⁶¹ «Инициации, или посвятительные обряды и обычаи, составляют важную часть традиционной системы воспитания. Они призваны приобщить молодежь к существующим обычаям и нормам племенной морали, например уважительному отношению к старшим, соблюдению норм в семейно-брачной сфере и др., а также обучить молодых навыкам хозяйственной деятельности» (Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее / отв. ред. Р. Н. Исмагилова. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2000. С. 8).

¹⁶² Aristotle. Rhetoric / Translated by W. Rhys Roberts [Электронный ресурс]. URL: <http://classics.mit.edu/Aristotle/rhetoric.html> (дата обращения: 04.09.2015).

боли снова возвращается к своему архаичному истоку, возможно, слишком вольная интерпретация Аристотеля, но что касается ключевой фигуры афинского триумvirата мыслителей – Платона, то его интерес к инициации составляет основной пафос настоящей статьи. Потому что имевший место интерес Платона к инициации до сих пор не замечен. Однако, как еще можно трактовать фрагмент «Государства», где мыслитель советует подвергать юношей надо сначала чему-нибудь страшному, а затем, для перемены, приятному?

Попробуем оценить его непредвзято. «Подобно тому как жеbreя гоняют под шум и крик, чтобы подметить, пугливы ли они, так и юношей надо подвергать сначала чему-нибудь страшному, а затем, для перемены, приятному, испытывая их гораздо сильнее, чем золото в огне: так выяснится, поддается ли юноша обошечению, во всем ли он благопристоен, хороший ли он страж как самого себя, так и мусического искусства, которому он обучался, покажет ли он себя при всех обстоятельствах умеренным и гармоничным, способным принести как можно больше пользы и себе, и государству. Кто прошел это испытание и во всех возрастах – детском, юношеском и зрелом – выказал себя человеком цельным, того и надо ставить правителем и стражем государства, ему воздавать почести и при жизни, и после смерти, удостоив его почетных похорон и особливо увековечив о нем память. А кто не таков, тех надо отвергнуть»¹⁶³.

На наш взгляд Платон прямо указывает на необходимость инициирования мужчин во время возрастных переходов, подводя идейное основание под реально существовавшую в его время практику.

Отметим, что инициация у Платона не являлась инструментом деконструкции сложившегося порядка, напротив, того, кто прошел это испытание и во всех возрастах и выказал себя человеком цельным, того Платон предлагал ставить правителем и стражем государства, воздавать ему почести и при жизни, и после смерти.

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНАЯ МИФОЛОГИЯ» В СОВРЕМЕННОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ

Е. В. Иванова

В современном религиоведении актуальным остается обращение к исследованию взаимодействия двух феноменов культуры:

¹⁶³ Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Loseва и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 218.